

ДОМ АРДЕНОВ

ЭДИТ НЕСБИТ

ИЛЛЮСТРАЦИИ РОБЕРТА МИЛЛАРА

КАРЬЕРА ПРЕСС
МОСКВА, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	Лорд Арден	1
ГЛАВА 2	Землерой	39
ГЛАВА 3	В эпоху корсиканца	74
ГЛАВА 4	Высадка французов	101
ГЛАВА 5	Разбойник с большой дороги и...	118
ГЛАВА 6	Потайной ход	146
ГЛАВА 7	Ключ от столовой	175
ГЛАВА 8	Гай Фокс	199
ГЛАВА 9	Узники Тауэра	234
ГЛАВА 10	Белые крылья и «брауни»	262
ГЛАВА 11	Нелегкая задача	289
ГЛАВА 12	Пленки и облака	322
ГЛАВА 13	Майский цвет и жемчуга	343
ГЛАВА 14	Клад найден	364

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лорд Арден

Некогда то был могущественный дом с фермами и полями, золотом и драгоценностями — а также арендаторами, и оруженосцами, и вооруженными солдатами. Некогда глава дома три дня провел в пути, дабы приветствовать короля Генриха на границе своих владений, а после король приехал с ним вместе и почивал на высокой резной кровати в покоях, которые в замке были отведены для гостей. Наследник дома вел свою рать в бой против Кромвеля; младшие сыны дома сражались в чужих землях, приумножая славу Англии и вновь и вновь покрывая старинное имя Арденов недолговечной позолотой славы. Ардены были еще во времена саксонского владычества; жили они и ныне, уменьшившись, впрочем, в числе и обеднев. Не было больше ни земель, ни оруженосцев, ни сол-

дат; сам замок стоял без крыши, и лишенные стекол окна пустыми глазницами смотрели на ставшие чужими поля, которые простирались от самого подножия серых, выеденных непогодой замковых стен. И только двое наследников мужского пола оставалось в роду Арденов — один из них был старик, другой — дитя.

Старик прозывался лордом Арденом, он был главой дома и уединенно жил в маленьком домишке, выстроенном из камней, которые упали с замковых стен по воле времени и пушек Кромвеля. Дитя звали Эдред Арден, он жил в доме, что стоял в ясном, продуваемом всеми ветрами городке на скале.

То был яркий веселый домик с полукруглыми выступающими окнами и зеленым балконом, выходящим на искрящуюся морскую гладь. У домика были три аккуратные белые ступеньки и медный молоток на двери, посветлевший и гладкий оттого, что его постоянно начищали до блеска. Славный был домик, и жить в нем было бы очень даже приятно, кабы не одно обстоятельство — жильцы. Ибо, и дольше я скрывать от вас этого не могу, Эдред Арден жил с тетушкой, а тетушка сдавала комнаты. Держать жильцов — это едва ли не самый неприятный из всех способов заработать на жизнь, и я всячески рекомендую вам испробовать любые прочие варианты честного заработка, прежде чем прибегать к этому.

Дело в том, что люди, которые приезжают на побережье и снимают комнаты, отчего-то куда требовательнее тех, кто предпочитает проживать в гостинице. Жильцы, снимающие комнаты, гораздо придирчивей и беспрестанно чего-то требуют; требуют, к примеру, подавать им еду, да по многу раз за день и в самое неподходящее время. Они целыми днями трезвонят в колокольчик. В каждой складке своих одежд они приносят с моря песок, и он сыплется из них на ковры, и на диванные подушки, и на все, что только есть в доме. Там, где наклеены новенькие обои с хорошенькими розочками, они развешивают длинные плети мокрых водорослей, а в тазиках для мытья рук вечно держат морские анемоны и ракушки. Еще они шумят; их башмаки вечно стучат по лестнице, зная не желая о том, что вы лежите с ужасной головной болью; когда же вы выставяете им счет, как бы скромн он ни был, для них он всегда оказывается чрезмерно велик. Не пускайте в дом жильцов, если только можете этого избежать!

Мисс Арден избежать этого не могла. Вот как все получилось.

Эдред и его сестра учились в школе-пансионе. (Я разве не говорила, что у Эдреда была сестра? Была, и звали ее Эльфрида.) Мисс Арден поселилась неподалеку от школы, чтобы побольше времени проводить с детьми. Она готовила наряд к свадьбе,

ибо джентльмен, который хотел на ней жениться, уже ехал домой из Южной Америки, где сколотил себе состояние. Отец детей также ехал домой из Южной Америки, где сколотил состояние, поскольку он и возлюбленный мисс Арден были партнерами. Всякий раз при встрече дети и тетушка говорили о том, какое прекрасное будущее их ждет, когда отец и дядя Джим — дети уже называли его дядей Джимом — вернутся домой и все вместе они поселятся в деревне и будут жить там долго и счастливо.

Но пришло известие о том, что отец и дядя Джим попали в плен к разбойникам, и денег тоже больше нет, и не осталось больше ничего, кроме домика на скале. Тогда мисс Арден забрала детей из дорогой лондонской школы, и они втроем поселились в домике на скале, а поскольку денег на жизнь у них не было и единственное, как они могли их добыть, — это сдавать комнаты, мисс Арден, будучи дамой отважной, стала пускать жильцов и достойно справлялась с делом. А потом пришло известие о том, что отец и дядя Джим погибли, и свет жизни в домике на скале совсем угас.

Это случилось два года назад, однако дети так и не привыкли к жильцам. Они этих жильцов терпеть не могли. Поначалу они пытались дружески относиться к их детям, но вскоре обнаружили, что дети жильцов считают Эдреда и Эльфриду много ниже

себя, отчего смотрят на них свысока. Впрочем, зачастую дети жильцов были как раз из тех, на кого любой смотрел бы свысока, если бы, конечно, это не было нехорошо и невежливо. Когда юный Реджинальд Поттс из Пекхэма при встрече показывает тебе язык и при всех заявляет: «Фу, мебелирашка!» — трудно испытывать к нему прежнее расположение.

Когда в доме бывали жильцы — а они бывали почти всегда, потому что в доме им жилось удобно, и те, кто бывали здесь раз, приезжали снова, — детям с тетушкой приходилось ютиться выше всех и ниже всех — то есть на чердаке и в полуподвальном этаже.

Когда жильцов не было, домашние жили во всех комнатах по очереди, чтобы те не застаивались. Но больше всего дети любили маленькую гостиную в полуподвальном этаже, потому что вся мебель в ней принадлежала давно почившим Арденам, и на стенах висели портреты давно почивших Арденов. Комнаты, которые тетушка сдавала жильцам, были обставлены совсем другой, новой мебелью, которая не хранила никаких историй, как хранили их старые дубовые столы, вытертые до гладкости, или бюро, обитавшие в полуподвальной гостиной.

Эдред и Эльфрида каждый день ходили в школу, где изучали чтение, письмо, арифметику, географию, историю, правописание и разные полезные

предметы, которые ненавидели в равной степени, то есть терпеть не могли все разом, ни одному не отдавая предпочтения. Из всей учебы им нравились только домашние задания, когда, если у тетушки Эдит выдавалась минутка помочь, география превращалась в приключенческую повесть, история — в роман и даже арифметика вдруг начинала казаться не вполне бессмысленным предметом.

— Вот бы вы всегда могли нас учить, — сказал Эдред, весь перемазанный чернилами и впервые ощутивший интерес к теме импортных товаров из Китая, — а то мы все зубрим какие-то слова из книжек — полная глупость.

— Я и сама охотно учила бы вас, — сказала тетушка Эдит, — но мне не под силу делать двадцать девять тысяч семнадцать дел одновременно, и...

Затрезвонил колокольчик.

— После чая это уже седьмой. — Она встала и вышла на кухню. — Элиза, бедняжка, опять звонят. Что поделать; поди узнай, что им нужно, но не отвечай ни слова, что бы тебе ни говорили. Это ничем хорошим не кончается, да и после, уезжая, они могут тебе припомнить, и останешься без полукроны.

— А мне так нравится, когда они уезжают, — сказала Эльфрида.

— Да, — сказала тетушка. — Кеб с горой чемоданов на крыше, и лошадь уже поглядывает в сто-

рону станции — прекрасное зрелище (когда счета оплачены), и... И все же я рада ничуть не меньше, когда кеб с багажом подъезжает к нашему дому. Ах, цыплятки! Когда придет мой корабль, мы с вами уплывем прочь и поселимся на необитаемом острове, где нет ни одного кеба, и нипочем не впустим в свою пещеру ни единого жильца.

— Когда я вырасту, — сказал Эдред, — я поплыву за море, отыщу твой корабль и привезу домой. У меня будет паровой буксир, а я буду рулевым.

— А я тогда буду капитаном, — сказала Эльфрида.

— Нет, я!

— Рулевые не бывают капитанами.

— Бывают!

— Не бывают!

— Бывают!

— Ну и ладно, — сказала Эльфрида, — тогда, пока ты там будешь плавать (все равно у тебя ничего не выйдет), я раскопаю сад и найду золотую жилу, и тетушка Эдит будет купаться в деньгах, и когда ты вернешься, она на этот твой дурацкий корабль и не посмотрит.

— Займемся правописанием, — сказала тетушка Эдит. — Как пишется «сварливый»?

— Это вы про которого из нас? — настороженно спросил Эдред.

— Про обоих, — ответила тетушка Эдит, стараясь, чтобы вышло как можно строже.

В детстве все мы мечтаем о том, как однажды придет наш корабль — и привезет сотни, тысячи, миллионы фунтов, и тогда у нас будет все, что угодно. Я помню, как любила мечтать, что получаю тысячу фунтов и строгий наказ ни на что полезное их не тратить. А когда намечтаешь себе миллион фунтов, или тысячу, или сотню, то после идут упительные часы размышлений о том, какие подарки ты купишь всем, кто тебе нравится, и как они будут удивлены и рады таким замечательным подаркам, и как будут благодарны тебе за твою невероятную щедрость. Думается, мало кто из нас в своих мечтах тратит деньги на себя одного. Конечно, сначала мы сразу же покупаем себе мотоцикл, и футбольный мяч, и биты для лапты — и кукол с настоящими волосами, и настоящий фарфоровый сервиз, и целые коробки шоколадок всех вкусов, и «Остров сокровищ», и все-все книги миссис Юинг, но потом, когда с этим покончено, мы начинаем покупать подарки другим.

Прекрасная мечта, но слишком часто случается так, что, когда она сбывается на самом деле — в размере сотни или тысячи фунтов, — мы забываем о том, что собирались делать с этими деньгами, и тратим их на акции и облигации, на прилич-

ный дом, на толстые сигары и меховые манто. Если бы я вновь стала юной, то села бы и записала бы все то хорошее, что намерена сделать, когда придет мой корабль, и, если мой корабль и в самом деле однажды придет, я перечитаю этот список, и... Но из гостиной звонят в восьмой раз, и гремит колокольчик у входной двери, и на первом этаже звонят, и на втором тоже, и Элиза пытается поспеть в четыре места сразу — а это всегда крайне непросто.

Колокольчик у двери возвещал о прибытии почтальона; тот принес три письма. В первом был счет за ремонт крышки резервуара, на которой Эдред недавно разжег огонь, пребывая в непоколебимой уверенности, что древесина не загорится, поскольку по другую ее сторону находится вода, — но глубоко ошибался, о чем неоспоримо свидетельствовала обугленная крышка резервуара. Второе письмо содержало вопрос, не примет ли мисс Арден на постой священнослужителя, но за половину от обычной цены, ибо у преподобного чрезвычайно большая семья, которая к тому же только что перенесла корь. А третье было не просто письмо, а то самое письмо, письмо-зерно, исток, основа, движитель и причина всей дальнейшей истории.

Письма у почтальона забрал Эдред, а потом остался ждать, покуда тетушка Эдит прочтет их все. Эдред собирал почтовые марки, но при тусклом

полусвете газового рожка в холле не мог разобрать, есть ли на конвертах что-либо стоящее.

Третье письмо оказало чрезвычайно странный эффект. Прочитав его в первый раз, тетушка Эдит провела рукой по глазам. Потом она встала под люстру, которая отчаянно нуждалась в новых газовых рожках и потому хоть и светила, но почти не освещала, и перечла письмо еще раз. Затем она прочитала его в третий раз и произнесла:

— О!

— Что случилось, тетушка? — тревожно спросила Эльфрида. — Опять налоги?

Однажды налоги уже были, и Эльфрида навсегда запомнила этот день. (Если вы не понимаете, что это значит, спросите своих самых бедных родственников, которые, скорее всего, и самые приятные из всех, а если и они не знают, тогда спросите прачку, которая вам стирает.)

— Нет, милая, не налоги, — сказала тетушка Эдит, — наоборот.

Я не знаю, что такое налоги наоборот (или напротив), как, впрочем, не знали и дети, но я уверена, что это что-то хорошее — и они тоже так решили.

— Ой, тетушка, мы так рады! — сказали они оба, и повторили несколько раз, и только потом снова спросили: — А что там?

— Кажется... не знаю точно... но кажется, ко-

рабль все-таки пришел... даже не корабль, кораблик... игрушечная лодочка... едва ли нечто большее. Но я должна завтра же ехать в Лондон не откладывая и там разобраться, корабль ли это, и если да, то что именно за корабль. За меня побудет миссис Блейк, а вы будете паиньками, правда, дети?

— Да — о да! — ответили они.

— И вы не будете подкладывать хлопушки мяснику, и вылезать на крышу в ночных рубашках, и играть в индейцев и разрисовывать лица золой, и потихоньку подгибать край простыни, чтобы постояльцы не могли вытянуть ноги в постели, правда? — спросила тетушка Эдит, торопливо припомнив некоторые из маленьких шалостей, которыми племянник с племянницей в последнее время разнообразили часы досуга.

— Не будем, — сказал Эдред, — и ничего нового смешного тоже постараемся не придумывать, — добавил он, проявив истинное самопожертвование.

— Я поеду поездом в восемь тридцать. Жаль, что я не могу придумать какой-нибудь способ... развлечь вас, — закончила она, потому что была слишком добра и не смогла сказать «удержать вас от шалостей на целый день», хотя подумала именно об этом. — Я привезу что-нибудь хорошенькое на твой день рождения, Эдред. Хочешь провести целый день у милой миссис Хаммонд?

— Нет, нет, — сказал Эдред и в порыве вдохновения добавил: — А можно нам устроить пикник — нам с Эльф, вдвоем, — в дюнах, чтобы отпраздновать мой день рождения? Получится на день раньше, но это ведь ничего, правда? Прошлым летом вы сказали, что мы еще слишком маленькие и надо подождать до следующего лета, а сейчас уже следующее, и я подрос на два дюйма, а Эльф — на три, значит, мы уже на пять дюймов выше, чем тогда, а вы тогда сказали, что нам надо подрасти.

— Видишь теперь, какая полезная вещь — арифметика? — сказала тетушка. — Что ж, хорошо. Только наденьте старую одежду и не уходите далеко от дороги. Да, можете гулять целый день. А теперь — в постель. Ах, опять этот колокольчик! Бедняжка Элиза.

Так случилось, что в миг, когда Эдред и Эльфрида вышли из скрытой пологом двери, отделявшей полуподвальный этаж от остального дома, некто по имени Клэпхем, жильцовское отродье, как раз отправлялся спать. Он высунулся между столбиками перил, показал племянникам хозяйки язык и сказал:

— Эй, вы, лакейчики!

Щенок полагал, что успеет сбежать наверх прежде, чем дети одолеют лестничную площадку, но не учел длинных рук Эльфриды, которая стремительно сунула руку между перил, вцепилась негоднику

в ногу и удерживала его, покуда не подоспел Эдред. Мальчики затеяли потасовку прямо на лестнице и пересчитали боками все ступеньки сверху донизу, после чего были схвачены родичами и разведены в разные стороны. За вычетом этого мелкого инцидента укладывание в постель не было отмечено никакими событиями.

На следующее утро тетушка Эдит уехала поездом в восемь тридцать. Дети набили ранцы, но не книжками, а булочками; вместо тетрадей они положили сэндвичи; место заляпанных чернилами пеналов заняли две замечательные коробочки с мятными пастилками, по целому шиллингу каждая — их, расчувствовавшись, купила тетушка Эдит под влиянием расставания, когда дети проводили ее на станцию.

Они не спеша поднялись по вымощенному красным кирпичом тротуару, который всегда выглядел так, словно его только что вымыли дочиста, а поднявшись на вершину холма, остановились и переглянулись.

— Все честно, — сказал Эдред.

— Она нам не запрещала, — сказала Эльфрида.

— Я заметил, — сказал Эдред, — что, когда взрослые говорят, что «посмотрят», если у них что-то просишь, значит, этому никогда не бывать.

— Я тоже заметила, — сказала Эльфрида. —

А когда мы просили тетушку свозить нас туда, она тоже всегда говорила, что посмотрит.

— Да, каждый раз. Поэтому мы ничего плохого и не делаем. И никого не обманываем, — настойчиво повторил Эдред, хотя его никто не обвинял ни в злодеянии, ни в обмане. — Когда тетушка вернется, мы ей сразу расскажем.

— Конечно, — сказала Эльфрида с изрядным облегчением, потому что не очень-то верила, что Эдред на самом деле расскажет.

— В конце-то концов, — сказал Эдред, — это наш замок. Мы просто обязаны повидать колыбель нашей расы. Это в справочнике «Клиффгейт и окрестности» про него так написано. А давай мы будем паломники. Ранец сойдет за суму, и можно купить два посоха по полпенни, у тебя ведь есть целый пенс. Хочешь, можем даже гороху в башмаки насыпать, — великодушно добавил он.

— За горохом придется возвращаться, и потом, колотый, наверное, не считается. И больно будет, — с сомнением произнесла Эльфрида. — А пенс я хотела потратить на... — Тут брат нахмурил брови, и она осеклась. — Ладно, — договорила она, — бери. Только в следующий раз, когда у тебя будет пенни, отдашь мне половину; так будет честно.

— Я почти никогда не обманываю, — холодно ответил Эдред. — Не буду играть в пилигримов.

— А я хочу, — сказала Эльфрида.

Эдред был неумолим.

— Нет, — сказал он, — пойдем просто так.

И они пошли просто так, и довольно уныло.

Город редел, как спущенные петли на чулке вокруг дырки; дома стояли все реже, а сады при них становились все больше. В одном саду вытряхивала коврики служанка и пела при этом — отчего-то редко так случается в городе, чтобы служанки пели.

*Далеко милый мой ушел,
Вернется ли домой?
Прощай, и помни, что моя
Удача да будет с тобой.*

— Хорошая примета, нас ждет удача, — примирительно заметила Эльфрида.

— Какая-то дурацкая любовь, мы-то тут при чем? — сказал Эдред.

— Но ведь мы слышали, как она поет, а ее милого здесь нет, и он не услышит. Это знак. Интересно, далеко ли мы ушли? Я уже почти ужасно устала.

— Надо было играть в пилигримов, — сказал Эдред. — Вот они никогда не уставали, хоть сколько у них гороха в башмаках.

— Я сейчас буду играть, — сказала Эльфрида.

— Не получится, — сказал Эдред, — поздно.

До лавочки, где продают посохи, теперь много-много миль.

— Ну ладно, как хочешь, — сказала Эльфрида. — Ты сегодня встал не с той ноги. Я все утро изо всех сил старалась тебя не злить, но теперь мне надоело. Не хочешь — не надо.

— Ну и не надо, — огрызнулся Эдред. — Иди домой, если хочешь. Ты просто девчонка.

— Лучше уж быть девчонкой, чем таким, как ты, — ответила она.

— Это каким же, позволь поинтересоваться?

— Нет, нет, нет, нет! — Эльфрида остановилась и крепко зажмурила глаза. — Не буду злиться, не буду злиться, не буду злиться! Мир! Хватит! Больше никаких!

— Каких таких «никаких»?

— Никаких больше ссор на пустом месте, — сказала Эльфрида, открыла глаза и очень быстро зашагала вперед. — Мы вечно ссоримся без причины. Тетушка говорит, что это дурная привычка. Раз уж мальчишки настолько лучше девочек, могли бы научиться осекаться, когда нужно.

— А может, им не нужно, — сказал Эдред, взрывая башмаками густую белую пыль.

— Ладно, — сказала она, — я первая скажу «извини». Так пойдет?

— Я сам хотел первый, — уязвленно заметил

Эдред. — Ладно, — уже добродушнее добавил он, — смотри, дорожный знак. Что там, интересно?

На знаке было ясно и понятно написано, что прошли они милю и еще три четверти, а также добавлялось, и весьма безжалостно, что до замка Арден восемь миль. Однако, сообщал знак, до станции Арденхерст была всего четверть мили.

— Давай поедем на поезде, — царственно предложил Эдред.

— У нас нет денег, — с искренним отчаянием ответила Эльфрида.

— Ага! — сказал Эдред. — Вот видишь? Я не жадный. Я взял с собой свой новенький флорин.

— Ой, Эдред! — со стыдом сказала девочка. — Какой ты щедрый!

— Пфф, — отмахнулся мальчик, в то время как его уши покраснели от смеси торжества и скромности, — ерунда. Идем.

Таким образом, пилигримы впервые увидели замок Арден из окна поезда. Замок гордо высился на утесе, где был выстроен, дабы отражать нападение чужеземных ратей и оберегать земли окрест. Увы, ныне не осталось и следа его бывшего величия — лишь могучие стены, поросшие травами и дикими цветами, да круглые башни, полы и потолки у которых давно провалились, да лишенные крыш покои,

где гнездились совы, и повсюду густые заросли непокорной ежевики и папоротника.

Дети пошли к замку по тропе вдоль края утеса, где жаворонки как безумные распевали в бледно-голубом небе, и мимо бобовых полей, где сновали пчелы, а запах был самый сладкий в мире, и он смешивался с запахом коричневых водорослей, которые поднимаются и опускаются с каждой новой волной прилива на камнях у подножия утеса.

— Давай пообедаем здесь, — сказала Эльфрида, когда они достигли вершины небольшого холма, откуда, если посмотреть вниз, был виден замок.

Так они и поступили. Правило было строгое: на два укуса сэндвича — одна мятная пастилка. А жужа, они беспрерывно рассматривали замок, и он нравился им все больше.

— А тебе тоже хочется, чтобы он был настоящий и мы могли там жить? — спросила Эльфрида, наевшись досыта — не пастилок, конечно; пастилки кончились раньше.

— Он и есть настоящий, хоть и старый.

— Да, но я о другом: если бы это был настоящий дом, с дымоходами и каминами, и чтобы двери с засовами, и стекла в окнах.

— Интересно, а внутрь пускают? — спросил Эдред.

— Можно перелезть, — сказала Эльфрида и с

надеждой посмотрела на исполинскую стену шестидесяти футов в высоту; в стене не было ни ворот, ни иных отверстий.

— Вон там какой-то старик идет через поле, нет, не там; вон, на самом зеленом, видишь? Давай спросим его.

Они оставили ранцы лежать на земле, наполовину заросшей диким тимьяном, и побежали вниз. Но опоздали: еще прежде, чем они добежали, старик миновал поле молодой кукурузы, пробрался сквозь лаз в стене и исчез между высоких живых изгородей, в которых терялась тропинка. Дети вслед за ним пробрались через стену, выскочили на тропинку и догнали старика в тот самый миг, как он со щелчком закрыл за собой калитку и повернулся, намереваясь удалиться по выложенной кирпичом дорожке между клумб ясенника, и анемонов, и нарциссов, и тюльпанов всех цветов радуги.

Дети видели только его спину. Вежливо разговаривать с чужой спиной не так-то просто. Поэтому едва ли вы будете удивлены, узнав, что Эдред сказал:

— Здравствуйте!

А Эльфрида сказала:

— Здравствуйте! Эй!

Старик повернулся и увидел у калитки две фигурки, одетые в то, что принято называть матрос-

скими костюмчиками. Дети же увидели старческое лицо в морщинах, со снежно-белыми волосами и бачками, отливавшими серебром. На обожженном до черноты лице сверкнули яркие голубые глаза, и губы в чисто выбритом окружении сложились в улыбку, недоуменную, но добрую.

— Так-так-так, — сказал он, — а вам что здесь нужно?

— Мы хотели узнать... — сказала Эльфрида.

— Про замок, — сказал Эдред. — Можно посмотреть его изнутри?

— У меня есть ключи, — сказал старик, сунул руку в дверь и снял с гвоздика кольцо с ключами.

— Там, ве-ро-ят-но, никто не живет? — спросила Эльфрида.

— Сейчас нет, — ответил старик, идя к ним по дорожке. — Лорд Арден преставился, во вторник уж две недели как будет, вот и заперли все, куда не сыщется новый лорд.

— Вот бы мне стать новым лордом, — сказал Эдред, идя по дорожке вслед за стариком.

— Тебе годков-то сколько? — спросил старик.

— Почти десять. Завтра у меня день рождения, — сказал Эдред. — А вам сколько лет?

— Да уж под восемьдесят. Повидал я жизнь, повидал. А вот будь ты молодой хозяин замка, открылось бы тебе такое, чего эти лорды отродясь не

видывали, — возраст у тебя уж больно подходящий.

— А что открылось?

— Как, — сказал старик, — ты разве не знаешь присказку? Я-то думал, ее тут все знают.

— Какую присказку?

— На ходу говорить мне дыхания не хватит, — сказал старик и остановился, — да еще поэизию.

Он сделал глубокий вдох и произнес:

*Покуда нету десяти хозяину земли,
А девять полновесных лет почти уже прошли,
Да выйдет он на предков холм и на закате дня
Прочтет заветные слова, сокровище маня.
И если верно он прочтет,
То клад заветный обретет.*

— Вот это да! — хором сказали дети.

— А где это — холм предков? — спросил Эдред.

— А это Арденов холм, вон он там. — И старик указал на холм, где они совсем недавно ели бутерброды.

— А что за клад? — спросила Эльфрида.

Но этот вопрос остался без ответа — в тот момент.

— Коли пошел долгий разговор, надо бы мне

присесть, — сказал старик. — Тут посидим или в замке?

Два любопытства вступили в короткую схватку, и победило то, что сильнее.

— В замке, — ответили дети.

В замке старик опустился на рухнувшую колонну, некогда поддерживавшую одну из сводчатых арок, и стал ждать. Вдоволь набегавшись по траве внутри стен, заглянув во все полуразрушенные комнаты, полазав по остаткам колоннады и забравшись на единственную башню, у которой обнаружилась лестница, пригодная для карабканья, дети наконец пришли и сели рядом со стариком на белой от ромашек траве и сказали:

— Ну, расскажите же!

— Что ж, — начал старик, — Арденны были господа благородные, всем на зависть. Я слышал, что они жили туточки еще до Вильгельма Завывателя, или как он там прозывался.

— Тысяча шестьдесят шестой, — пробормотал себе под нос Эдред.

— Жили они по-разному, когда получше, когда поплоче, как оно у всех бывает, будь ты хоть лорд, хоть землешапец. А как-то раз, то ли война тогда была, то ли еще какая заграничная заварушка, попрятали они целую кучу денег, и камней драгоценных, и посуды из серебра. Это вот и есть тот самый

клад. А которые прятали, тех всех перебили — эх, и времечко было, скажу я вам, врагу не пожелаешь, — с тех пор никто и не знает, где они все это прикопали.

— Неужели клад так и не нашли?

— Ну так а я о чем твержу. Жила тут в давние времена одна знающая бабка, и пошли к ней спросить, как сокровище-то найти, и тут на нее нашло, или, как нынче говорят — прозрение случилось. Она всякое полезное могла сказать, когда на нее находило, и сказала она эту самую поэзию, а больше ни словечка, как ее ни просили. Спрашивали, что за заветные слова, — она молчок. А когда она уже помирала, леди Арден, тогдашняя, стало быть, леди, с ней возилась, ухаживала по-всякому, и бабка ей таки заветное слово выдала, а там и дух испустила.

Он умолк, чтобы отдышаться.

— Так что же это за слова? — спросили дети, задыхаясь еще сильнее старика.

— А никто не знает, — ответил старик.

— Но где же его искать?

— Да не знает же никто. Я вроде слышал, в книжке оно есть, в бублотеке, там, внизу. Да только пользы от него никакой, потому как ни один лорд Арден отродясь не принимал титул ребенком, и десять лет свои десять раз успел позабыть.

У Эдреда в голове поселилось какое-то странное чувство, такое, что и не вообразить; ладони у него стали горячие и сухие, а потом холодные и влажные.

— Вы хотите сказать, — начал он, — что надо быть именно лордом Арденом? То есть просто Джон, или Джеймс, или Эдред Арден — не годится? Потому что моя фамилия Арден, и я хотел бы попытаться.

Старик наклонился, схватил Эдреда за руку, потянул, заставив встать, и поставил его себе между коленей.

— Ну-ка, сынок, поглядим-ка, — сказал он и поглядел. — И верно, — сказал он, — настоящий Арден, настоящее не бывает. И как я только сам не заметил. Как только не увидел и нос твой длинный, и подбородок, что торчит как копье. Уж я-то должен был его узнать. Да только глаза мои уже не те, что прежде. А коли ты говоришь, что ты лорд Арден, скажи-ка, как звали твоего отца? Крещеное имя?

— Его звали Эдред, как меня. Но отец умер, — хмуро сказал Эдред.

— А деда как звали? Не Джорджем ли... Джорджем Уильямом?

— Правильно, — сказал Эдред. — Откуда вы знаете?

Старик выпустил Эдредову руку и встал. Коснувшись лба, он произнес:

— Я работал здесь всю жизнь, с юных лет и до седых волос, и горжусь, что дожил, чтоб увидеть, как на место покойного лорда Ардена пришел новый. Выше нос, парень, не кисни, — строго добавил он, — ты и есть самый настоящий лорд Арден.

— Не... не может быть, — выдохнул Эдред.

— Тетушка говорила, что лорд Арден наш дальний родственник, кузен дедушки или что-то в этом роде.

— Так и есть, мисси, — кивнул старик. — Лорд Арден — в крещение Джеймс, — он приходился двоюродным братом мистеру Джорджу, как вашего дедушку звали. Сына его звали мистер Эдред, как вашего батюшку. У покойного лорда сыновей не было — да и дочерей тоже, если уж на то пошло, — поэтому титул переходит к вашей ветви семьи. Снигворти, подручный стряпчего из Льюиса, за последние три недели об этом уж раз пятьдесят рассказывал. Ты — лорд Арден, это я тебе говорю.

— Раз так, — сказал Эдред, — я скажу заветные слова и найду клад.

— Тебе бы поторопиться, — сказала Эльфрида. — Послезавтра тебе будет уже десять лет и один день.

— Значит, потороплюсь, — сказал Эдред.

— Когда ты станешь лордом Арденом, — серьезно сказал старик, — когда, значит, вырастешь и

примешь титул чин по чину — дай тебе Бог, — не забывай о тех, кто беден и в нужде, юный господин, нипочем не забывай.

— Если найду клад, не забуду, — сказал Эдред.

— Даже если и не найдешь, все равно не забывай, — сказал старик. — Ну, пойду я домой. Вы, верно, поиграть останетесь, а? Как закончите, принесите мне ключи. Что мне за вами следить, коли этот дом принадлежал вашей семье сотни лет — уж вы-то ничего тут не попортите.

— Ну конечно, не попортим! — гордо сказал Эдред. — До свидания, и спасибо.

— До свидания, мой господин, — сказал старик и ушел.

— Ну и ну, — сказал Эдред, взвесив в руке толстую связку ключей. — Неужели я и в самом деле лорд Арден?

— В самом, в самом! Лорд, и никаких сомнений. А я, должно быть, теперь леди Арден. Какая невероятная новость! Ну, теперь-то эти жильцовы дети присмирят. Ой, что ты?

Эдред хмурился и щипал бархатистый мох, укрывавший валун, на который машинально сел мальчик.

— Как ты думаешь, — медленно сказал он, — войти в собственный дом без спроса — это же не преступление?

— В собственный — можно. И никакое это не преступление, — сказала Эльфрида.

— А если дом окажется не наш? Тогда нас посадят в тюрьму.

— Можно сказать полицейскому, что ты думал, будто дом твой. Правда, Эдред, пойдем!

— Дело ведь не в вульгарном любопытстве, как выражается тетушка; я хочу найти заветные слова, — сказал мальчик.

— Как будто я сама не поняла, — снисходительно ответила девочка. — Но где он, этот дом?

Вопрос был не праздный, ибо никакого дома вокруг и в помине не было — лишь высокие серые стены замка в нарядной оторочке из цветов и трав, которая колыхалась как перья на фоне бледно-голубого июньского неба. Однако тут и там в сером камне виднелись серые деревянные двери.

— Наверное, за какой-то из этих, — сказал Эдред. — Попробуем все ключи и все двери и найдем.

И они стали пробовать ключи и двери. Первая вела на чердак, где хранились яблоки. Вторая — в кладовую, где у сырой стены были составлены лопаты, метлы и мотыги, а вокруг громоздились мешки и корзины. Третья — на башню, которая, по видимому, играла роль голубятни. Самая последняя открытая ими дверь вела в длинный сад между двух высоких стен, где среди незабудок и анюти-

ных глазок росли высокие сорняки. А в конце сада стоял узкий домик с красной крышей, плотно втиснутый между двух высоких серых стен замка.

Шторы на окнах были опущены, сад холоден и пуст, пахло сырой землей и прелыми листьями.

— Ой, Эдред, а может, не надо? — сказала, дрожа, Эльфрида.

— Нет, надо, — сказал Эдред, — а ты так говоришь не потому, что воспитанная, так и знай. Ты просто боишься.

Конечно, Эльфрида ответила:

— Ничего подобного. Идем.

И они пошли, хотя и очень медленно, на цыпочках, затаив дыхание, но все-таки пошли к окнам со спущенными шторами, словно глаза в бельмах.

Входная дверь оказалась закрыта, и ни один ключ к ней не подходил.

— Ну и пусть, — сказал Эдред. — Я — лорд Арден, я имею право войти, а раз меня не пускают, я все равно войду, так и знай.

Эльфрида едва сдержала крик, наполовину ужаса, наполовину восхищения его дерзостью, когда он, воспользовавшись росшей у дома бузиной, залез на окошко, попытался открыть его, а когда обнаружил, что оно заперто, ударил локтем в стекло.

— Вот так, — с легкой неуверенностью в голо-

се заявил он, — наследник Арденов вступает в свои владения.

Он открыл окошко, нырнул в него и исчез. Эльфрида осталась стоять, сплетая и расплетая пальцы и очень стараясь не думать о том, как сейчас в воротах сада появится какой-нибудь совершенно неожиданный здоровяк-полисмен и басом, как все уважающие себя сельские констебли, спросит: «Где твой брат?»

Но полицейский не появился, зато на высоком, до земли окне поднялась занавеска, окно открылось, и Эдред с заговорщицким видом поманил к себе сестру. Ей пришлось сделать над собой усилие, но она послушалась и вошла. Он закрыл окно, вновь опустил занавеску и...

— Ой, пожалуйста, не надо, — сказала Эльфрида.

— Ну вот еще, — сказал Эдред, — тут совершенно нечего бояться. Все совсем как у нас дома.

Так оно и было. Они обошли весь дом, и он оказался совершенно таким же, как все. Некоторые комнаты второго этажа были обставлены очень скудно, но мебель была совершенно такая же, как у тетушки Эдит, и картины висели такие же. Отличалась только библиотека. То была очень большая комната без единой картины — только книги, книги и еще раз книги в пожелтевших кожаных пере-

плетах. Книги от пола до потолка, книжные полки между окон и над камином — сотни и тысячи книг. Тут уж даже Эдред сник.

— У нас ничего не выйдет. Чтобы пересмотреть эти книги, уйдет не один год, — сказал он.

— Пересмотрим хотя бы некоторые, — сказала Эльфрида, которая всегда уступала брату в дерзости, но превосходила его в настойчивости. Она села на вытертый ковер и принялась читать названия на корешках, которые были ближе.

— Бертон, «Атомия ме-лан-чего-то там», — прочла она, — Локк, «Опыт о разумении», — и еще множество скучных и неинтересных названий.

Ни одна из этих книг не могла содержать заклинание для поиска сокровища. Правда, когда взгляд Эльфриды упал на книгу Берджесса «Драгоценные металлы», на миг в ней вспыхнула надежда, однако она тотчас же поняла, что на плотно покрытых строчками и с бурыми пятнами страницах нет и не может быть ничего интересного, например заветных слов. Шло время. Пятна проникавшего сквозь шторы солнечного света переползли по ковру дальше, но Эльфрида не сдавалась. Эдред же чем дальше, тем больше не находил себе места.

— Бесполезно это все, — говорил он, и «надо бросать», и «этот старик нас, наверное, разыграл. Я теперь точно понял», и «ну пойдём же домой».

Но Эльфрида, не обращая внимания на боль в голове и в спине, продолжала поиски. Мне хотелось бы сказать, что ее упорство было вознаграждено. Но нет; будем честны и не станем выдумывать. Так уж вышло, что именно Эдред, который бесцельно вел пальцем по краю книжной полки просто ради удовольствия смотреть, как к концу полки под пальцем собирается мягкий комок пыли мышинного серого цвета, вдруг воскликнул:

— А это что? — и вытащил большую книгу белого цвета, на обложке которой был напечатан золотом щит в клеточках и пятнышках, а на щите стояла золотая свинка, а позади была надпись «История Арденов из Ардена».

В следующее мгновение книга уже лежала между ними на полу, и они торопливыми руками жадно перелистывали страницы. Но увы! Заклинаний в книге не было, а сама она оказалась чуть ли не скучнее Берджесса.

И только когда Эдред громко захлопнул книгу, сообщив, что он сыт по горло, из нее выпала бумажка, полетела, по-голубиному трепеща, и опустилась в холодный камин. Это и было заклинание. Сомнений быть не могло.

Оно было написано выцветшими чернилами на квадратике пожелтевшей писчей бумаги, которую некогда сложили вдвое, а затем разворачивали так

часто, что сгиб совсем истончился и едва удерживал вместе половинки листа, тонким, достойным леди почерком. Заголовок гласил: «Заклинание, которое открыла мне тетушка Энн. 24 декабря 1793».

Дальше шло само заклинание.

*Зверь мой верный на гербе,
Обращаюсь я к тебе,
Имя Арденов ношу
И о храбрости прошу,
Чтоб умом я был богат,
Чтобы мне открылся клад.*

«Читать на закате, — говорилось далее, — лорду Ардену, когда девятый его год подойдет к концу,

а десятый еще не наступит. Но все это глупости и доверия не заслуживает».

— Да, это оно, — сказал Эдред. — Ладно, пойдем отсюда.

Они повернулись, чтобы уходить, и тут в углу библиотеки что-то шевельнулось — что-то маленькое, неразличимых очертаний.

Они смогли отдышаться, лишь когда остался позади дом, и сад, и замок, и вокруг были лишь бескрайние, поросшие тимьяном холмы, где пели жаворонки и свежо и сладко пахло водорослями и бобовыми полями.

— Ох, — сказала тогда Эльфрида. — Как я рада, что заклинание не нужно читать в полночь. Ты бы тогда до смерти испугался.

— Еще чего, — ответил Эдред, очень бледный, торопливо идя прочь от замка. — Я бы и в полночь прочел спокойно.

И он сам почти поверил своим словам.

Но листок, который уронил Эдред, когда в углу закопошилось нечто неведомое, подобрала все-таки Эльфрида. Подбрала, да так и не выпустила, крепко сжимая в руке.

— Это наверняка была крыса или что-то в этом роде, — сказал Эдред, сердце которого трепыхалось зайцем, как говорят в Кенте, да и не только в Кенте.

— О да, — согласилась Эльфрида, и губы у нее дрогнули. — Конечно, крыса или что-то в этом роде.

Когда они поднялись на вершину Арденова холма, на закат еще не было и намека. А значит, пришло время собраться с мыслями, слушать жаворонков, вдыхать запах бобового цвета и удивляться, как это можно было так испугаться какой-то крысы или чего-то «в этом роде». Кроме того, отыскиались кусочки бутерброда и раскрошившийся пирог, которыми пренебрегли в обед, но которые теперь обрели совершенно иной вкус. Так они коротали время до тех пор, пока солнце не прильнуло к бурому плечу холмов, едва на него не ложаешься, и казалось, что холмы сами тянутся вверх, стремясь коснуться круглого красного шара, в который превращали солнце вечерние туманы.

Несколько минут дети молчали. Четыре глаза были устремлены на солнце, и, когда его край словно бы сплющился о плечо холма, Эльфрида прошептала:

— Давай!

И сунула брату листок бумаги.

Они столько раз читали это заклинание в гаснущем свете дня, что успели выучить его наизусть, и читать с листка Эдреду нужды не было. И хорошо, потому что поблекшие чернила на желтоватой бумаге в густом розовом свете были едва видны.

Эдред встал.

— Давай! — снова сказала Эльфрида.

И Эдред сказал, довольно громко и с приятной напевностью, к которой успел привыкнуть в школе, где читал наизусть волнующие душу баллады лорда Маколея (из поздних) или трогательную историю о мальчике, который стоял на пылающей палубе:

*Зверь мой верный на гербе,
Обращаюсь я к тебе,
Имя Арденов ношу
И о храбрости прошу,
Чтоб умом я был богат,
Чтобы мне открылся клад.*

Он читал медленно и внятно, а сестра внимательно слушала, готовая поправить, если он ошибется хотя бы в одном слове. Но он не ошибся.

— Чтобы мне открылся клад, — закончил он, и великая тишина холмов нахлынула волной и заполнила пустоту, оставленную отзвучавшим человеческим голосом.

Ничего не произошло — совсем ничего. Заходящее солнце заливало холмы розовым светом, каждая травинка была хрупка и отчетлива, жаворонки больше не пели, но запах бобового цвета и

водорослей стал еще сильнее. И ничего не происходило до того самого мига, как Эдред воскликнул:

— Что это?

Ибо рядом с его ногой что-то зашевелилось, но не вдруг и внезапно, не пугающе, но чрезвычайно мягко, чрезвычайно тихо, чрезвычайно явно — нечто поблескивавшее золотом в рассеянных розовых лучах заката.

— Боже мой, — сказала, наклонившись поближе, Эльфрида, — да ведь это...